

необходимость пояснения

226

«Да это же обычный юношеский максимализм», – подумалось мне, когда я впервые познакомился с творчеством Геннадия Мигачёва. Буйная фантазия, подражание Виктору Цою и Владимиру Высоцкому, желание во что бы то ни стало быть услышанным. Масса недоработок, экстравагантный псевдоним, порой явное безразличие к нормам классической речи и даже плохое знакомство с первоисточниками. Да к тому же ещё философия выдуманного мира. Весёленький наборчик!

Но по мере перечитывания становилось ясно, что за всем этим стоит напряжённая работа честной, бескомпромиссной души, требовательность к себе и другим, поиск себя и смысла жизни.

Конец восьмидесятых – начало девяностых годов. Перестройка, набирающий темп развал «нерушимого» Союза, всплывшие на поверхность язвы криминала, наркомании, проституции. Народ, бросившийся в гонку за длинным рублём, молодёжь, лишившаяся последних идейных ориентиров и своим поведением не сильно отличающаяся от животных. И вдруг – Геннадий. Поначалу обычный паренёк, владеющий парочкой приёмов каратэ и распеваящий в подъездах разухабистые «малиновые» песни.

Но постепенно тематика его песен становится разнообразной, глубокой, а музыка – самоценной. Как результат первое место на IV фестивале авторской песни 1989 года в Набережных Челнах (песни «Король степи», «Янтарь»), выступления в Домах культуры, Казанском авиационном институте, проект создания рок-группы.

Молодой человек много читает, не курит, не пьёт, ведёт дневник, борется со своими недостатками, смыслом жизни считает любовь, поступает в Казан-

ский государственный медицинский институт.

Постепенно складывается портрет юного дарования: непритязательная одежда, длинные волосы, любимые авторы – Лермонтов, Сумароков, Ломоносов, Ницше; любимый напиток – вода. Неповторимый стиль исполнения песен: напор, вихрь, вживание в роль, мгновенные изменения настроения, нежелание быть «причёсанным», трепетное отношение к женщине и особое, какое-то интимное, – к смерти. Смерть для Геннадия – нечто весьма желанное; во многих песнях он предсказывает свою раннюю кончину.

Его герои переходят из одного произведения в другое, из рассказов – в стихи, из стихов – в роман, из романа – в песни. Это цельный внутренний мир автора, ставший для него реальностью.

Особый интерес представляют его «Философские тетради». Конечно, не со всем в его философии можно согласиться: в столь юном возрасте ошибки и преувеличения неизбежны, человек ещё не способен многое осмыслить. И тем не менее, многие мысли заслуживают внимания:

– *Говори правду в лицо и громким голосом, чтобы потом было стыдно и страшно лгать.*

– *Трение – явное свидетельство того, что идеалов нет.*

– *Обоюдное согласие на блуд не исключает насилия над высокой природой Любви.*

– *Талант человека вовсе не говорит о его высокой нравственности.*

– *Следует различать неумение уступать от умения не уступать.*

Сквозь всё творчество Мигачёва красной нитью проходит главная – можно сказать, булгаковская тема вечной борьбы и взаимодействия Добра и Зла. Но в эту тему Геннадий вводит новое понятие – понятие Пустоты. В его понимании зло – это сопротивление беспринципному насилию посредством силы. И гений зла – Сатана – предстаёт перед нами в качестве борца против извращения, как защитник мирового добра, передав свои «традиционные полномочия» владыке Пустоты Гулу.

Тема, что и говорить, сложная и в принципе до конца не разрешимая. Должно ли добро быть с кулаками? С одной стороны, человечество постепенно идёт к гуманизму, милосердию, к отмене смертной казни. А на другой чаше весов – миллионы загубленных наркоторговцами, производителями оружия и сутенёрами молодых жизней, слёзы матерей, братьев, жён, детей; теракты «во имя Всевышнего» и коррумпированная власть, засилие криминальных группировок...

Именно к борьбе с этой грязью и призывает Мигачёв устами своих героев. И вот следует вывод, что не везде и не всегда можно метать бисер, что зло (в общечеловеческом понимании) должно уважать добро как силу. И как-то не поворачивается язык упрекнуть молодого автора, ибо, несмотря на мрачный тон стихов и философию Тьмы, на самом деле Мигачёв – человек очень светлый, не оставляющий читателя равнодушным, своей категоричностью и напором заставляющий его думать, задаваясь вслед за автором вечными вопросами бытия: кто мы? Что после смерти? Есть ли Бог? и Почему Он, являясь добрым и милосердным, допускает зло?

И вот мы начинаем размышлять и после долгих раздумий приходим к мыс-

ли, что этот мир действительно сотворён Разумом – великим писателем-программистом Вселенной; что всё сущее – реалисти-роман, особый божественный жанр, в котором мы – действующие лица, актёры, которые, однако, не пляшут под дудку драматурга, а играют свою жизнь с листа; что, как в любой хорошей пьесе, в жизни должна быть интрига, и потому зло неизбежно. И, понимая это, мы всё же должны, не теряя свой человеческий облик, с этим злом бороться.

Можно, конечно, развивая тему в духе Булгакова, заключить, что и Пустота необходима добру и злу, ибо, не будь Пустоты, чего бы они стоили. Но это уже отдельный разговор. Главное – то, что яркий мир, придуманный Мигачёвым, остаётся жить в нас, напоминая о высоком предназначении Человека.

Стоит, пожалуй, ещё сказать о том, что сегодня произведения в жанре исторической фантастики мало кого могут удивить. На книжных прилавках ныне таких произведений множество, и многие современные авторы умеют создавать свои миры, наверное, не хуже Мигачёва, хотя, увы, большинство из них не слишком заботится о нравственной составляющей своего творчества. Но он был одним из первых молодых казанских (да и российских) авторов, работавших в этом жанре, и уже поэтому достоин звания первопроходца.

В следующем году Геннадию исполнилось бы 40 лет. За свою короткую 20-летнюю жизнь он успел написать более 500 (!) стихотворений и песен, множество рассказов и даже роман «Сгинувшая лига XIV века». Давайте не будем забывать о нашем удивительном земляке, большом, талантливом Поэте, столь рано покинувшем этот мир, но так много успевшем сделать во имя добра!